(1)Театр свёл меня с ума, сделал почти невменяемым. (2)Возвращаясь домой по пустынным улицам, видя, как редкие фонари подмигивают друг другу, я останавливался на тротуарах, вспоминал великолепные речи актёров и декламировал, подражая мимике и жестам каждого.

(3)Царица я, но — женщина и мать! — возглашал я в ночной тишине, к удивлению сонных сторожей.

(4)Дома я рассказывал матери о том, что видел. (5)Меня мучило желание передать ей хоть малую частицу радости, наполнявшей моё сердце. (6)Я говорил о Медее, Язоне, Катерине из «Грозы», об удивительной красоте людей в театре, но я чувствовал, что всё это не занимает мать, непонятно ей. (7)При всём желании открыть для матери мир, который теперь так интересовал меня, я не мог сделать этого. (8)Ведь я и сам не понимал простейшего: почему в театре Язон, а не Яков, Медея, а не Марья? (9)Где творится всё это действо, кто эти люди? (10)Что такое «золотое руно», Колхида?

— (11)Так, так, — говорила мать, — но всё-таки не надо бы тебе по театрам ходить. (12)Отец и то всё говорит, что ты ничего не делаешь. (13)Я тебя, конечно, прикрываю, а ведь правда, что бездельник ты!

(14)Я действительно ничего не делал и учился плохо. (15)Когда я спрашивал отца, можно ли идти в театр, он не пускал меня. (16)Отец говорил:

— В дворники надо идти! (17)В дворники, а не в театр! (18)Дворником надо быть, и будет у тебя кусок хлеба! (19)А что в театре хорошего? (20)Ты вот не захотел мастеровым быть и сгниёшь в тюрьме. (21)Мастеровые вон как живут: сыты, одеты, обуты, — говорил отец.

(22)Я видел мастеровых по большей части оборванными, босыми, полуголодными и пьяными и не верил ему.

(23)А театр всё более увлекал меня, и всё чаще я скрывал деньги, заработанные пением в церковном хоре. (24)А тут ещё приехала опера, и билеты поднялись в цене до 30 копеек. (25)Опера изумила меня; как певчий, я, конечно, не тем был изумлён, что люди поют, и поют не очень понятные слова (я сам пел на свадьбах: «Яви ми зрак!» — и тому подобное), но изумило меня то, что существует жизнь, в которой люди вообще обо всём поют, а не разговаривают, как это установлено на улицах и в домах Казани. (26)Необыкновенные люди, необыкновенно наряженные, спрашивая — пели, отвечая — пели, пели — думая, гневаясь, умирая, пели — сидя, стоя, хором, дуэтами и всячески!

(27)Изумлял меня этот порядок жизни и страшно нравился мне.

(28)«Господи, — думал я, — вот если бы везде так все пели: на улицах, в банях, в мастерских!»

(29)Например, городовой, схватив обывателя за шиворот, басом возглашает:

— Вот я тебя в участок отведу-у!

(30)А ведомый взывает тенорком:

— Помилуйте, помилуйте, служивый-й!

(31)Мечтая о такой прелестной жизни, я, естественно, начал превращать будничную жизнь в оперу. (32)Отец говорит мне:

— Федька, квасу!

(33)А я ему в ответ дискантом и на высоких нотах:

— Сей-час несу-у!

— (34)Ты чего орешь? — спрашивает он.

(35)Или пою:

— Папа-аша, вставай чай пи-ить!

(36)Он таращит глаза на меня и говорит матери:

— Видала? (37)Вот до чего они, театры, доводят.

(38)Театр уже стал для меня, подростка, необходимостью, и роль зрителя, место на галёрке[2] теперь не удовлетворяли меня — хотелось проникнуть за кулисы. (39)Я несколько раз пытался прорваться в это царство чудес — какие-то свирепые люди с боем выгоняли меня вон. (40)Но однажды я всё-таки достиг желаемого: открыл какую-то маленькую дверь и очутился на тёмной, узкой лестнице, заваленной разным хламом, изломанными рамами, лохмотьями холста. (41)Вот он — путь к чудесам!

(42)Пробираясь среди этих обломков, я вдруг очутился под сценой, среди дьявольской путаницы верёвок, брусьев, машин; всё это двигалось, колебалось, скрипело. (43)В этой путанице шмыгали люди с молотками и топорами в руках, покрикивая друг на друга. (44)Пробираясь среди них, как мышь, я вылез на сцену, за кулисы и очутился во сне наяву — в компании краснокожих, испанцев, плотников и взъерошенных людей с тетрадками в руках. (45)Хотя индейцы и испанцы разговаривали, как плотники, тоже по-русски, но это не лишало их обаяния, я разглядывал крашеные лица и яркие кос

тюмы с величайшим восторгом. (46)Всё это произвело на меня чарующее впечатление, незабвенное во веки веков — я понял, что жизнь моя обязательно будет связана с театром.

(47)Вскоре после этого я уже участвовал в спектакле статистом. (48)Меня одели в тёмный, гладкий костюм и намазали мне лицо жжёной пробкой[3], обещав дать пятачок за это посрамление личности. (49)Я подчинился окрашиванию не только безбоязненно, но и с великим наслаждением, яростно кричал «ура» в честь Васко да Гама и вообще чувствовал себя превосходно. (50)Но вскоре мной овладело великое смущение. (51)Я убедился, что пробку с лица не так-то легко смыть. (52)Идя домой, я тёр лоб и щёки снегом, истратил его целый сугроб и всё-таки явился... с копчёной физиономией негра. (53)Родители очень серьёзно предложили мне объяснить, что это значит. (54)Я объяснил, но их не удовлетворило это, и отец жестоко выпорол меня, приговаривая:

— В дворники иди, в дворники!

(По Ф. И. Шаляпину*)

* **Фёдор Иванович Шаляпин** (1873 — 1938) — всемирно известный русский оперный и камерный певец.

---

[2] Галёрка — верхний ярус в театре, в цирке и т. п. (*разг.*); задние ряды (*шутл.*).

[3] Пробка — наружный слой коры некоторых древесных растений (преимущественно пробкового дуба).

* **Фёдор Иванович Шаляпин** (1873 — 1938) — всемирно известный русский оперный и камерный певец.

Какие из высказываний соответствуют содержанию текста? **Укажите** номера ответов.

1) Возвращаясь вечером из театра после представления, рассказчик пытался напевать отрывки оперных арий.

2) Низкий уровень образованности не позволял рассказчику понять в полной мере новаторских черт театральных постановок.

3) Особое потрясение подросток испытал после посещения оперы: он впервые услышал, что люди поют малопонятные слова.

4) Когда мальчик попытался в бытовых ситуациях в семье не говорить, а петь, отец отнёсся к этому резко отрицательно.

5) Первая театральная роль рассказчика была роль чернокожего.